

Евгенова Ирина Николаевна
Корреспондент – Флиге Ирина

Кассета № 1

— Вы родились в Ленинграде?

— В Архангельске.

Когда отец работал... как называлось это... Управление безопасности кораблевождения, вот как... Поэтому они с мамой обвенчались в 23-м году и сразу же уехали на местожительство в Архангельске. И там я родилась.

— А мама не работала?

— А мама работала машинисткой. В этом... кавалерийском каком-то училище.

— В Архангельске?

— Нет, в Ленинграде. И поэтому ее легко отпустили, не очень такой кадр незаменимый.

И они уехали. И там я родилась, в Архангельске. Прожила я совсем немного, полгода только там. Потому что отца опять перевели... вернее, как перевели... Он все время работал в Арктике и все время работал в Гидрографическом управлении военно-морского флота. Приписан, он был военный. И поэтому его отозвали снова в Ленинград. И мы переехали. И жили в коммунальной квартире с бабушкой. Значит, я вот родилась, и папа с мамой.

— А чья это бабушка была?

— А это мать мамы.

— А она, бабушка, из какой семьи?

— Она была из дворянской семьи. Она кончила Смольный институт.

— А дедушка?

— А дедушка был военным. Он погиб в 18-м году.

— А он погиб где?

— В Петрограде. Он уже вышел на пенсию, потому что уже мог по возрасту выйти на пенсию, но все равно продолжал еще вроде интересоваться всякими делами. Ушел из дома и исчез. И так бабушка не знает, но она уверена, что его расстреляли, поскольку он был крупным военным.

— А что значит — крупным военным, он кем...

— Ну он уже военным не занимался тогда, раньше он был директором Пажеского корпуса.

— А как дедушку звали?

— дедушку - Усов Николай Николаевич. Понимаете... об этом разговора не было у нас в семье, пока мы не стали с братом уже более-менее взрослые. А просто считали, что дедушка пропал. А бабушка сказала, что знает, как он пропал.

— А в каком звании дедушка был?

— Генералом.

— Дедушка был генералом?

— Да. Но он... у меня есть его подробная биография, поскольку в Пажеском корпусе интересовались... А дело его знаете куда передали? Все дела Пажеского корпуса находятся в Москве. Так что сказали, если вы интересуетесь подробнее, то можно обратиться в Москву. А тогда об этом мы старались не говорить.

— Вы не знали, кем был ваш дедушка, и до какого времени?

— До позапрошлого года подробно не знали этого. В прошлом году подробно узнала. То есть мне дали его... как теперь говорят, листок кадров. Где он служил, где он родился, где он женился, когда дочка родилась. Это анкета такая подробная.

Это мне все дали уже в Пажеском корпусе, теперь Суворовское училище.

— А бабушка?

- А что бабушка, бабушка вышла замуж. Больше ничего.
- И не работала?
- Не работала.
- А где жила семья до революции?
- Ну как, до революции одно время они жили в казенной квартире при Пажеском корпусе. А потом мы сняли квартиру. Хотя вот очень интересно,... вот из дворян, вроде обеспеченные. У них не было своей квартиры в городе. Дали казенную. Разъезжал он, как военный, когда был помоложе, то в одном месте, то в другом. Семья оставалась на какое-то... ну как раньше снимали квартиру, в Петербурге или же с ним ездила. Мама моя родилась на Украине, потому что в то время он как раз там служил. Потом долгое время жили в Твери, ... жили. Ну в общем...
- с 18-го года бабушка жила где?
- Ну как, бабушка жила все время в Петербурге, бабушка, мама. Там же они познакомились в Петербурге с моим отцом... Познакомил их, двоюродный или троюродный брат, который вместе с отцом плывал в экспедиции Северного Ледовитого океана на Таймыр и ...
- А как его звали?
- Фамилия Никольский. Александр... не помню сейчас, забыла отчество. Он плывал с отцом и там познакомились... Там они хорошо познакомились, они зимовали же в 14-15-м году, и поэтому остались очень хорошие отношения со всеми, с кем плывали.
- А скажите, мама где училась?
- А мама кончила гимназию. Считалась такая хорошая гимназия, потому что там технические науки преподавали. Кончила с золотой медалью, могла поступить — и тогда это было — без экзаменов в вуз, но ей надо было содержать... Она только кончила гимназию, осталась с матерью, поэтому выучилась на машинистку, и пошла... Интересно тоже вот, в общем-то мой дед, Николай Николаевич Усов, он, я говорила, он был кавалерист, так если сказать профессию. Одновременно он был хороший художник, он даже преподавал. Даже когда его уже назначили в Пажеский корпус, он даже вначале преподавал, а потом конечно столько дел всяких, что он отошел. А так он черчение и рисование преподавал. У нас были картины, у матери, потом во время блокады пропали. Так что вот видите, какая у нас судьба.
- А бабушка была из какой семьи?
- Вы знаете... прибалтийских немцев, Фитенгоф. Бабушка, Зинаида Александровна Усова была Фитенгоф-Шельх, которая вышла замуж за Усова, была из прибалтийских немцев. У нее отец был Александр Александрович Фитенгоф-Шельх, а мать ее была такая... русская фамилия какая-то, но я уже не помню. Вот это надо мне найти папки, у меня где-то в папках это есть, но это, действительно, не так просто. Так что я потом, если вам нужно, уже подробнее могу сказать... Ну вот и она кончила, я вам говорила, Смольный институт, а дед мой кончил какое-то кавалерийское училище, а дальше пошел... Он был из дворян, но никаких ни поместий, ничего не было. Это такие, служивые дворяне.
- Смольный институт кончила, я же говорила. Родители ее жили в Прибалтике, я знаю, одно время. А брат, Александр, тоже что-то занимался то ли пароходством... Во всяком случае, флотом тоже интересовался, но не действующим, а вроде... не помню я сейчас, потому что тоже спуталось.
- А как бабушка попала в коммунальную квартиру?
- Ну папа мой... то есть они жили в однокомнатной где-то... не в однокомнатной, а в одной комнате какой-то коммунальной квартиры, я не знаю, по адресу по какому. А когда мама вышла замуж и папу перевели сюда, то он смог эту квартиру... Я не знаю, как тогда, получил ордер на... уже на 2 комнаты, поскольку семья увеличилась... Не знаю как, не знаю.
- А у мамы не было братьев и сестер?

— Нет, никого не было.

— А у папы что за семья была?

— А у папы, он из семьи учителя, педагога. По классическим языкам. Латинский, греческий преподавал. Кончил он, по-моему, Педагогический, не университет, а институт. И вот поэтому он пошел по этой стезе...

Дедушка Евгенов. Да, да, Иван Михайлович. Вот, а бабушка, Вера Григорьевна, она из такой бедной купеческой мещанской... У них очень большая семья была, 13 человек. Она была старшая, она была очень рада, что она вышла за вдовца, с сыном Евгением, который очень потом ее полюбил, и была такая довольно дружная семья, но он умер от тифа в 18-м году.

А еще были две сестры, так что вот... Александра и Вера.

/пауза/

Когда вот вернулись из Архангельска...потом все время жили в Ленинграде.

— С кем?

— Бабушка Усова, бабушка Усова, я, потом брат родился. Вот когда брат родился, пришлось квартиру поменять, потому что две комнаты было мало, уже папа очень интенсивно работал, у него все время работа была и дома, и... очень много было материалов, книг. Все это... Так что когда брат родился, пришлось поменять квартиру, это легко было. В деревянном доме, довольно холодная квартира, но большая, на Петроградской стороне. Причем наш домовладелец жил под нами в 1-м этаже. Я его помню очень хорошо в детстве, такой седой старик. Я не знаю, умер он или его арестовали, не знаю.

И потом эта квартира перешла к нам уже. Потому что он уже... у него конфисковали дом. Так что перешла... Это в 29-м году было.

— А у вас была няня?

— Нет.

— А кто детьми занимался?

— Бабушка же у меня была. Была у нас еще приходящая домработница. Когда двое детей стало, пока я была одна, у нас не было никакой няни, а когда родился брат, а папа занимал какое-то служебное положение, и он мог уже... вот эта большая квартира в деревянном доме на 2-м этаже, и взяли няню. Сперва няня была приходящая, потом одно время она у нас жила.

— Вы хорошо ее помните?

— Она была не няней по сути дела. Скорее домработницей, которая помогала по хозяйству. Воспитывала меня мама и бабушка. Мама же не работала тоже, до того момента, как папу арестовали.

— А мама не работала?

— Нет, нет.

— А вот когда папу арестовали, вам сколько лет было?

— Мне было 14. Ну еще 14 не было, 13, ну во всяком случае его в 38-м, а я в 24-м, ну в октябре, а его в мае... значит 13 с половиной лет было.

— Расскажите вот это, раннее детство. Как вы... Кто больше воспитывал, папа, мама, бабушка.

— Конечно, мама больше. Потому что мама занималась не только нашим воспитанием, она занималась еще воспитанием детей нашего дома.

— Это как?

— А так. У нас был подвал, там жили дети рабочих семей. Причем у каждого была отдельная квартира, в полуподвальном, в деревянном доме, в полуподвальном помещении. И вот в одной семье краснодеревщика, Громова такого, были тоже дети, дочка и сын. Так вот дочка и сын вечно пропадали у нас. Мама значит их приглашала, они

обедали и они играли с нами. А потом она организовала в нашем дворе... был, знаете, очень интересно, деревянный дом, были пристройки, где мы хранили дрова и даже некоторые кур разводили. Ну это было, знаете, конец 20-х, начало 30-х годов. И там было свободное помещение рядом с бывшим калитником. И она организовала там такой красный уголок. Поэтому собрали мы там книжки... для всех ребят двора, кто-то приходил даже из соседнего дома, и вот напротив моя школьная приятельница всегда приходила с кем-нибудь, какие-то сценки разыгрывали. Так что мама не могла сидеть просто так, ей очень хотелось воспитывать ребят.

— А что... праздники какие-то устраивала мама? Расскажите, как праздники проходили.

— Ну праздники у нас были, но понимаете... Я не сказала бы, чтоб у нас были бы какие-то особенные праздники. Потому что мы на праздники, вот которые религиозные, на Пасху и Рождество, всегда ходили к бабушке Евгеновой, которая была вот из такой семьи многодетной, они были верующие. У нас семья была атеистов. Так что думаю, что самое интересное я вам уже рассказала, потому что потом уже идет...

— Нет, вы остановились на том, что на праздники... на Пасху и Рождество вы ходили к бабушке Евгеновой.

— ...потому что она жила рядом с церковью Князь-Владимира на Петроградской стороне. И помню даже, вот мы с ней иногда ходили в церковь посмотреть крестный ход там на Пасху. А у нас вот, я говорю, моя бабушка, и мама, и папа... о религии никогда не было разговора.

— А иконы в доме висели?

— Одна икона всегда была, и до сих пор осталась, которой бабушка Евгенова благословила папу с мамой, когда они венчались в этой церкви Князь-Владимира

— эта икона всегда висела?

— Да. Только одна.

Разговора о религии у нас не было, только в той семье у бабушки Усовой был.

— И поэтому праздники были, но понимаете... Ну как всегда, елочка может быть маленькая была, закрывали шторы, когда нельзя было елочку зажигать, свечки, чтоб не видно было с улицы.

— Но все равно елку ставили?

— Да, да, потому что радость детям, надо было какой-то праздник. Красили яички... Ну я думаю, что очень многие семьи так. Потому что в общем нас воспитывали, просто чтобы любовь к родине... и чтобы мы были бы... люди моральные, нравственные, главное, укрепили, которая всегда остается вера в человека.

— Что было в мамином воспитании что-то было постоянное, бабушкино какое-то особое влияние было?

— Я думаю, что в такой семье не может не быть влияния.

Понимаете, воспитание конечно было, конечно влияние было. Но сказать чтобы так чем-то отличалось, я знаю только что — что бабушка всегда беспокоилась за нас, почему мы целыми днями проводим во дворе, играем, дома отсутствуем, как и у всяких детей беспорядок на столе, у нас не было там отдельной комнаты, у брата и меня, но беспорядок всегда был на наших столах. Так что бабушка считала, что всегда должны быть обязательно аккуратными. Она была больше педантом. А мама рукой на это махала всегда: это не главное было.

— А что у мамы главное было?

— Главное было, я говорю, что наверное как во всякой такой семье, именно... ну любовь, я не скажу... не к ближнему, а внимательное отношение к людям. Вот я говорю, очень важно было. Почему я говорю, мы были ребятами самыми разными. У меня осталось на всю жизнь знакомство со двора, прямо с ленинградского двора. И поэтому они тянулись к маме и... Вот это пожалуй главное воспитание было.

— Так а что мама делала, книжки читала...

— Ну вот я говорю, устраивала спектакли даже...

— А что вы ставили?

— Вот я хорошо помню, ставили сказки Пушкина. Очень хорошо помню. Сказка... ну... я помню, о Балде... Как она называется... О попе и работнике его... о попе и работнике Балде. Очень было интересно, как Балда черта выгонял... В общем все сказки Пушкина между прочим ставили. Не только эту.

И костюмы сами делали, ну это все сами. Вот костюмы помогала бабушка тоже. Она привлекала... Она очень хорошо шила. В Смольном их учили и шить, они были рукодельницы, могла она и вышить, и шить. Она одевала всю семью. Маму одевала, меня и брата одевала. Пальто даже детские шила. Так что понимаете, у нас домработница помогала только иногда вот когда надо было прибраться квартиру, надо было принести может быть дрова, протопить... Ну в общем-то на помощь. Правда, у нас была маленькая при кухне комнатка и там вечно кто-нибудь все-таки жил у нас.

— А кто жил?

— Ну вот, я говорю, я не помню. Сперва Феня, потом Таня.

— домработницы?

— Да, да. Причем так, они из деревни были, из Ленинградской области. Поэтому они то у нас, то уезжали. Потом опять приезжали, помогали нам. А вот хорошо я запомнила, которая помогала маме по хозяйству, это как раз уже после папиного ареста, мы взяли из раскулаченной семьи из Белоруссии, девушку, которая старше была меня на год. И знаете, она была гораздо... по своему... всему ведению жизни старше меня не на год, а где-то на пять. Может быть, потому что ей тяжело пришлось, родители ее отправили... а самих их выселили в Сибирь. Это из Белоруссии, Саша такая. Может быть поэтому... Так что она мне даже какие-то навыки вселила. Не мама, а вот эта Саша, которая у нас жила, просто так, мы взяли по знакомству, нам сказали, что очень славная девушка. Уже мы не могли ей особенно там платить, уже трудно было. Мама уже работала все-таки, так что... Трудно было.

— И долго она у нас прожила?

— Она осталась, вот когда нас выселяли из Ленинграда, бабушка уже не могла тронуться с места, она плохо себя чувствовала, она [Саша] за ней даже ухаживала. А одну комнату мы сдали тоже. Не сдали, а в общем предоставили знакомой, которой тоже одной было очень трудно. Знаете как, война, блокада, надо было тесниться, холодно было, и вот тоже такая Вера Владимировна была, и Саша была все время.

— А вот эта девушка, Саша, как у вас с ней сложились отношения тогда? Как у вас складывалось, вы не ревновали?

— Нет, конечно, нет. Потому что очень милая была девушка. Я и говорю, знаете, я можно сказать все-таки из интеллигентной семьи. А она... я не знаю даже, можно сказать, что из колхозников или просто единоличников, вот это я не помню уже. Нет, видимо, раскулаченной. Это же было в 30-е годы, вот перед самой войной, не помню в каком году. Поэтому она очень как-то так у нас прижилась.

— Ну она в школу пошла?

— Она кончила школу вечернюю и пошла работать. Я говорю, это время, когда она вроде помогала за то, что она у нас жила, но мы ее не эксплуатировали. Мы встречались конечно вечером. То она приходила к нам чай пить, то отказывалась. Очень хорошая. А потом ее встретили на кладбище, так обрадовались с мамой, когда ее увидели. Потому что наш дом снесли, деревянный же был, и ей дали какую-то комнатку в другом месте, и мы не знали ее адреса. А потом встретили. Была очень радостная встреча.

— А когда вы ее встретили?

— Это уже после войны. Когда мы вернулись уже. Вот мы же вернулись по очереди, сперва я вернулась, а потом мама с братом.

— А скажите, как... когда у вас вот эта Саша появилась в доме, обсуждалось как бы, почему она в такую беду попала?

— Да, тогда я была все-таки уже большая. Мне уже было... Ну вот и сказали, что вот ей так тяжело, надо обязательно надо ее приютить, поэтому больше у нас Тани больше не будет — какая-то старушка была, Таня, приходила, помогала — а будет у нас жить Саша, познакомили нас с ней. Ну у нас была такая квартира, что там черный вход и парадный вход. У нее были ключи от черного хода, а у нас от парадной. Она училась в вечерней школе, приходила поздно, поэтому мы с ней виделись не так уж часто. Но когда виделись, всегда о чем-то можно было поговорить. Я любила с ней поговорить.

— О чем?

— О чем — я не знаю, я была очень легкомысленным человеком. И о том, и о другом, обо всем понемножку. И вообще Ирина Анатольевна, я часто думаю, что та же Саша, она гораздо была более... не образованна, а вот именно с внутренней жизнью человеком, чем я даже. Потому что все-таки у меня детство прошло вроде хорошо. Потом это несчастье [арест отца и высылка из Ленинграда] как-то... поскольку так кругом было много такого несчастья, как-то... И потом, мы уже понимали, наверное, потому что разговора об этом не было, но все в общем было ясно.

— Что было ясно?

— Ну вот так вот, я знаю, что некоторые говорили, что это ошибка, что это обязательно... скоро придут домой все, кого арестовали. У мамы не было такой иллюзии. Она видела эту мясорубку, до этого уже пошло уже... папу арестовали, поскольку он был на зимовке, в 38-м году, в 37-м уже мы знали, в 35-м уже знали, я не знала, но они [мама и бабушка] все знали, и поэтому вот общее настроение у нас не было такое, знаете... что все хорошо. Конечно, не все хорошо.

— И вот когда эта Саша приехала, тоже... было понятно, что...

— Да, да. Это понятно было. Было понятно, что ее родители решили все-таки как-то может быть если не спасти, то во всяком случае дать ей возможность... Знаете, мне было 13-14 лет, а ей значит 15 было, она на год или полтора была старше меня, что она уже самостоятельно могла свою судьбу определить как-то. Поэтому я говорю, она была серьезнее меня и...

— Ну и обсуждалось это в доме, проблема коллективизации?

— Нет, нет.

— А вообще о политике в доме говорили?

— Нет. Старались не говорить.

— А скажите, какие у вас были в детстве любимые герои, литературные, политические такие...

— Ну вначале наверное все в те времена мы зачитывались Чарской. А мама говорила, что это слащавое чтение и это ничему тебя хорошему не научит. Поэтому очень быстро меня отучила. Это я помню почему, потому что в школе обменивались книжками Чарской. А я уже не читала. Попробовала немножко, она говорит, ну смотри, разве это все-таки серьезное чтение. И поэтому подсовывала мне книжки, которые на ее взгляд были серьезные. Поэтому я довольно рано начала читать... Конечно, сейчас уже трудно вспомнить все. Я знаю, что вот Толстого вот, я его прочла в школе, мне было лет наверное... еще до папиного ареста, наверное 12-13. Надо сказать, что мне не очень понравилось подряд, я кусочками читала. А мама сказала: Попробуй все-таки все вместе. Ну еще какие книжки, не знаю, я знаю, что у брата с 6 лет были самые его любимые книжки “Том Сойер” и “Геккельбери Финн”. Это у брата. Когда ему было 5-6 лет наверно, он рано начал читать, в 5 лет, а я позднее.

— А вы читали про Павлика Морозова?

— Ну... нет... мы читали... мы учились в советской школе. Поэтому все, что читали нам в классе, и о чем рассказывали, я все знала. Поэтому я знала о Павлике Морозове...

— Ну и как вы к этому относились, к Павлику Морозову?

— А вы знаете, индифферентно.

— Вас этот сюжет не заинтересовал?

— Нет. Нет. Просто как-то так, поскольку дома это не обсуждалось, обсуждалось только в школе, ну я это приняла как данность. Конечно, наверное, как всем ребятам, конечно показалось, что очень нехорошо как-то все получилось. А почему нехорошо получилось, мы не задумывались наверное. Нехорошо, сам факт, вот понимаете, а почему так, и надо так или нет, то есть глубоко не затрагивало нас.

— Скажите, у вас были с родителями какие-нибудь конфликты, ссоры?

— Знаете что, я думаю, никогда не было настоящих ссор. Никогда не было.

— Ну какая ж девочка без...

— А мелкие были сколько угодно. Я же говорю, самое главное то, что я не очень слушалась, не возвращалась домой вовремя, а пропадала во дворе. Ну знаете, тогдашние игры во дворе — это же что-то...

— А во что вы играли?

— Ой, и в лапту, и в 12 палочек, и в казаки-разбойники, и штандер, каких только игр не было, я уж не помню.

— И вместе с братом?

— Нет, брат был домосед. Это была моя компания. А у него был только вот мальчик, который к нам приходил. Он был его ровесник, Володя, вот он часто приходил к нам, иногда вот они играли. Кроме того, когда он пошел в школу, у него появился очень хороший друг, который до сих пор он у нас друг семьи. Это уже в школе в младших классах.

— А так по двору бегали вы одна?

— Да. Да. И поэтому у меня были, были всякие такие небольшие стычки. Но это нельзя сказать... когда приходил домой, отец брал большую карту, складывал в трубу и кричал в форточку “Ирина, домой!” — то все уже во дворе говорили: Теперь тебе надо идти. А пока мама звала [я не шла]... А потом конечно — что же ты не слушаешь...

— А что, папа был очень строгий?

— Он не строгий, но понимаете, его все во дворе все-таки... в форме, капитан.

— Но папа же часто уезжал?

— Очень часто. Но в основном лето. Он отсутствовал каждый год летом.

— А как вот эти возвращения отца, вот скажите, как вы с братом папу встречали?

— Ну это было очень интересно. Очень интересно. Конечно, вначале нас интересовало, что он привезет. Шкуру медведя может быть как-то белого. Это было замечательно, я помню. Все ребята к нам пришли смотреть. Ну а потом просто радовались, конечно, я знаю, что когда значит, наверно, брату было года 3-4, значит мне 7, вот мы взяли собаку. Потому что мама сказала, если папа разрешит, то возьмем. А так собак не будет у нас, потому что мне и с вами-то трудно, так она говорила, а тут еще собаку надо воспитывать. Какую же вы собаку воспитаете. Но когда папа вернулся из экспедиции какой-то очередной, собака у нас появилась. Немецкая овчарка.

— Папа разрешил?

— Папа разрешил, да. И папа даже с ним ходил гулять. А вообще папа был оптимист. Поэтому вот если у нас праздники, обычно все-таки осенью, мой день рожденья как раз, все возвращаются, если он возвращался в этот день из экспедиции, то бывали хорошие детские праздники. Приглашали моих друзей пионеров, и он всегда эти праздники организовывал он. Мама организовывала такие игры, для ума, а он для сердца.

— А чем это отличалось?

— Ну как чем, вот он говорил: Дамы, теперь ваш танец, берите кавалеров. А этим кавалерам значит по 10-12 лет, не знали, как танцевать. Или например придумывал какие-нибудь игры. Шумные обязательно. Он любил такие шумные игры. Потом мы играли в щетки, которые надо было, знаете, кто-то чистит.. брали и в круг становились, щеткой надо было того, кто стоит внутри, как следует почистить. И угадать, что же чистит. Кто старался, кто нет. Ну вот такого типа игры устраивал.

— А мама? Как это — для ума?

- Мама тоже участвовала, но в основном, вот я и говорю, шумные игры любил папа.
- А мама какие игры любила?
- Мама участвовала просто.
- А скажите, а как относилась семья к советскому строю, режиму?
- Я говорю, об этом не говорили.
- Но вы же понимали?
- Понимаете, конкретно не говорили об этом. Потому что я только знаю одно, что... когда например у нас в школе, я была активная пионерка, и когда в школе у нас были звенья... Я была председателем, не класса конечно, а какого-то звена. И мама сказала, что вот у нас есть такое звено, мы должны показать, что мы что-то можем делать. Она объединяла, вот она все время воспитывала...
- Мама?
- Да. Надо было на выбор взять какого-нибудь революционера. У нас было звено имени Фрунзе. Мама сказала из всех тех, кого нам вроде предложили, давайте пускай у нас будет звено Фрунзе. Поэтому даже немножко биографию его читали, какие-то газеты делали, мама приглашала... У нас, видите, была большая квартира вот эта вот, все-таки четыре комнаты, и поэтому ребята в основном собирались у нас.
- А почему Фрунзе она выбрала?
- Ей показалось, что этот революционер более достойный. Я говорю, это мама сказала. А почему — я не могу вам ответить. Сейчас я может быть не стала бы это читать... Но ей тогда казалось, что... более достойный.
- А... к Сталину как вы относились мама или бабушка, или папа?
- Никак.
- Не было разговора?
- Нет. У нас вообще понимаете, совсем не упоминали его. Как будто его не было.
- А вы помните, как отца арестовали? Это при вас было?
- Да. Да. Это я хорошо помню.
- Я просто вот думаю о том, что когда мы ходили на демонстрацию, а мы любили ходить на демонстрацию, это было все-таки большой праздник... И... хорошо помню... первую... демонстрацию, когда мы почему-то мы приветствовали Кирова. Значит, это был 33-й год. Потому что потом очень скоро вдруг вот его убили. У нас было очень большое горе, не только в школе, но даже в семье. Потому что папа сказал: Это большая потеря. Но насколько, чего... большая потеря. Вот Кирова, я помню, он вспоминал. Кроме того, он был на каком-то совещании, где выступал Киров... И тоже... Может быть это постфактум, я не могу сказать точно, но ему очень понравилось его выступление. Вот это я помню. А про более далеких от нас партийных работников разговора не было, это все-таки был наш ленинградский.
- А из всей вот вашей большой семьи никого партийных не было?
- Нет, никого. И комсомольцев не было... Я не стала комсомолкой, хотя меня приглашали...
- Почему?
- А вот тогда уже я уже знала, что папу арестовали, и я не хотела. Хотя в школе ко мне хорошо относились все равно. И даже мои одноклассники все время подчеркивали, что надо меня куда-то потащить, куда-то принять... Так что хорошо относились.
- А вы сразу отказались в комсомол вступать, да?
- Да, да.
- А мама поддержала это решение?
- Да, да.
- А бабушка?
- Бабушка наверное тоже, но мы ее не спрашивали.
- И брат не вступал?
- А брат вступил в комсомол, во время войны.

— А почему?

— Вот вступил в комсомол, потому что у них весь класс вступил в комсомол. Весь класс. Ни одного не осталось некоммусомольца. И тогда он сказал маме: Знаешь что, мама, ну что же это такое... Ну потом он в общем очень быстро вышел из комсомола, как кончил школу, он перестал быть коммусомольцем.

— А как это ему удалось?

— А так, он не стал платить взносы, переехали в Ленинград и все.

Он вступил в комсомол в Архангельске, а потом переехали в Ленинград и больше он не был коммусомольцем.

— А скажите, вот когда вы сказали, что не будете вступать в комсомол, как отнеслись к этому в школе?

— А я объяснила. Я объяснила, что я наверно не очень-то заслуживаю вступить в комсомол, у меня отец вот арестован, так что кто его знает, что там будет дальше. Так что лучше мне отказаться от такой чести.

— И как это поняли ваши подруги?

— Поняли все, вот все мои близкие друзья, все поняли.

— Именно поняли, что вы не хотите вступать в комсомол...

— Да. Да, да, да.. Потому что у меня очень много друзей было в школе, потому что я говорила, я была легкомысленная, общительная.

— И все знали, что у вас отец арестован?

— Да, да, все. Причем интересно, что когда папа плыл на “Красине” через Панамский канал, в Канаду, а потом дальше спасать челюскинцев (1934 год), то все время передавали сводки. И у нас в классе висела большая карта, и мы ставили флажки, где находится “Красин”.на карте - там, там, там, там. Так что они знали о моем отце. А потом когда его арестовали, тоже конечно знали. И ничего никто... вы знаете, никто,... Вот у нас были разные ребята. Ну мы дружили конечно, как всегда, не весь-весь класс, но какое-то ядро класса. Но все было понятно.

— И что, и никто ничего не говорил по поводу ареста?

— Нет. Нет, нет. Но ведь я и сама не говорила, и никто не говорили.

— А не говорили, что он враг?

— Нет, нет.

— И при этом не говорили, что Сталин плохой, что хороших людей арестовывают?

— Нет. Нет, нет, нет. А как, я не помню, чтоб в школе об этом разговор был. Не помню совсем.

— У кого еще из одноклассников были родители арестованы?

— Вы знаете, из моих близких одноклассников арестовали... Пострадали... потом, скорее... Вот такая была семья Масловых, очень известного... как... не гидролог, а... Была большая квартира в доме... энергетиков, он строил гидроэлектростанции. Наверное, как специальность это гидроэнергетик. Так вот у них в семье, я знаю, были арестованные. И поэтому их семья даже приглашала нас на уроки английского языка, которые приходила учительница к ним в семью, и мы с братом даже ходили. То есть они хотели и нам помочь, потому что сами пострадали... И вот они так хорошо относились. А у сестры этой учительницы кто-то там были арестованы. Понимаете, вот какая-то была такая вот...

— Ну вот вам было 13-14 лет. У вас на глазах арестовали отца. Как вы это объяснили себе?

— Не я объясняла, а мне мама объяснила, я все поверила.

— Как мама объяснила?

— Тяжелые времена сейчас. Поэтому приходится нам сейчас перетерпеть. Думаю, что когда-то правда восторжествует. И когда мы папу провожали уже в ссылку, и он сказал, что такое безобразие не может продолжаться долго, видите, все-таки правда восторжествует. Мы ему тоже поверили. Хотелось верить Ирина Анатольевна.

—Ну расскажите, как сам арест проходил.

— Вы знаете, сам арест наверное описан многими у многих. Вошли три товарища, и с дворником нашим. Дворник сел на стул около двери и так сидел все время. А эти три товарища были довольно вежливые. Они сказали, что зайдите в кабинет. Я как старшая пошла в кабинет вместе с мамой, брат спал. Было это ночью. В 1-м часу или во 2-м часу ночи. Так как мама и бабушка ждали такого... таких гостей, то они не были очень удивлены, но были конечно потрясены, потому что сам факт, он все равно потрясает. А удивления не было. И мне мама сразу же объяснила: Ты знаешь, вот тяжелые времена мы переживаем сейчас. Причем она говорила “мы”, непонятно, относилось это ко всем или к нам. Я тоже еще подумала тогда, кто это “мы”... в каком это масштабе, я не представляла.

— А папа был дома?

— Папа был дома, да. Он вернулся как раз из экспедиции 37-38-го года, проработал недели 2 наверное.

— Он тоже ждал ареста?

— Он тоже ждал. Тоже ждал.

— А он говорил вам, что может быть арест...

— Нет, с детьми на эту тему не говорили. Наверное, с мамой, с бабушкой они все это говорили, обсуждали. А нам мама потом пояснила. Сказала, что конечно он ни в чем не виноват, что будем надеяться на лучшее, и так далее и так далее. Дети росли в таком строе, что им надо было дальше продолжать жить.

— А вы очень испугались, когда пришли отца арестовывать?

— Испугалась конечно, испугалась. Но я говорила уже. И даже для мамы это было какое-то потрясение, но не удивление. Не то что она удивилась, она ждала, но все равно, сам факт. Хотя я говорю, что все вежливые и...

— И потом когда вы в следующий раз увидели отца?

— Я в следующий раз увидела отца, когда его уже отправили в ссылку в лагерь. Ему привезли вещи, мы с мамой ездили, привезли ему теплые вещи, в пересыльную тюрьму.

— Это где?

— На какой улице... На Исполкомовской, по-моему.

— А что вы собрали?

— Теплые вещи главным образом. Потому что это была зима. Такая зима, холодная, 39--40-го года была зима. И насобирали, тащили два тюка, и помню я была очень рада, что могу маме помочь. Тяжело было, много было вещей, папа отбирал. Поэтому какие-то вещи мы увезли обратно домой.

— А брат тоже с вами был?

— Нет. Мы с мамой вдвоем

— А почему мама брата не взяла?

— Ну потому что сказала, что мы справимся и зачем еще его таскать туда. Хотя значит... Он на пять лет младше. Мне было 14, ему значит было 9.

— И как вы с папой встретились? Расскажите про это свидание.

— Ну как... Во всяком случае всегда приятно встретиться. Но я... первое впечатление конечно было, что он очень изменился. А мама сказала, ты его не видела, когда я его увидела во время следствия... А она видела его не во время следствия, а когда его везли на допрос. Нет, не на допрос, не на допрос, на трибунал военный. Мама его видела. Сказала, что ты...

Ну вот так что...

— Где мама его видела, я не поняла?

— Объявили Хмызниковой [Хмызников, Гернет –полярники, арестованы по одному делу с Евгеновым], когда она была у прокурора, можно было ходить изредка, записываться на свидание с прокурором, объявили, что вот на такой-то день назначен военный трибунал над участником Гидрографического управления Главсерморпути, участником...

И они, мама, и значит Хмызникова, по-моему с ними еще дочка Гернет была, старшая, вот дежурили...

... они узнали, где военный трибунал заседает, поэтому они ждали. Должны же были их как-то везти туда, не летели же они через крышу. Поэтому они буквально несколько секунд, даже не минут, увидели своих родных. Ну вот и тогда папа был такой несчастный весь. А после того как он долго ничего не делал, сидел просто в тюрьме... Так-то он немножко вроде отошел видимо, и когда я увидела и мне показалось, что он осунулся и плохо выглядит, а мама сказала: Ничего, сейчас он совсем не плохо, смотри, он опять улыбается, опять он шутит... ничего...

— Но вы не боялись ехать в тюрьму?

— Нет, конечно. Вообще с мамой никуда не боялась.

— И вот вы привезли вещи, как вы... и вам дали обняться с отцом?

— Знаете, нет.

— А как вещи передавали?

— А через прилавок, не прилавок, такой был... Знаете, огорожено было, но довольно широкая доска была, там можно разбирать вещи. Можно даже было пожать руку, такое впечатление, хотя стояли наблюдали, но так чтобы близко все-таки...

— Но вам удалось поговорить?

— Да, да, да. Но некогда было особенно говорить, потому что надо было вещи отбирать, время какое-то было, ну знаете... Ну что, поговорили. Как дела дома и как он себя чувствует. Ну что можно сказать...

— И его отправили в лагерь?

— Угу.

— А мама ездила к нему в лагерь?

— Ездила, только уже потом, когда его перевели с Урала в Коми.

Она ездила перед самой войной, значит это в 40-м году. На несколько дней к нему туда съездила.

— Она одна ездила?

— Одна.

— А почему?

— Это вообще трудно, мы даже не знали, как она поедет, потому что... не так легко было ездить. Тогда было сложно и с билетами.... Я не помню, во всяком случае мы собирали ее, бабушка очень волновалась, как она приедет и как удастся ей остановиться, и что нести... В общем сборы были такие... Так что Дай Бог, чтобы она сама туда съездила и вернулась...

— Когда отца арестовали, семья осталась без средств к существованию?

— мама сразу пошла работать, сперва машинисткой. Причем интересно, в народный суд устроилась, недалеко от нас. А потом ее даже секретарем сделали народного суда. Потом она участвовала в заседаниях. Она, видимо, была способный такой человек ко всему. И поэтому ей удалось там значит так себя хорошо зарекомендовать, и до самой войны она там проработала.

— И вам хватало на жизнь?

— Ну немножко помогали сестры отца. Ну тоже много не могли помочь, но все-таки... все-таки как-то существовали.

— А в семье больше никто не был арестован?

— Нет.

— А скажите, вот после ареста отца никто не предлагал матери или вам отказаться от него?

— Нет.

— Такого не было?

— Нет, нет, нет.

— А вы знали, что такие истории были в других школах?

— Тоже я не знала, но мама говорила, что такие случаи бывали. Ты знаешь, как удивительно... Я слышала что-то такое, это был разговор. Но это ни к школе, ни к нашей семье, а вообще... Так я почему-то тогда могла вспомнить Павлика Морозова. (смех)

— А скажите, вот в школе у вас были какие-нибудь стукачи, из ребят или из учителей кто-нибудь стучал?

— Не знаю, ничего не было.

— А вы сталкивались с тем, что вы дочь врага народа?

— Нет, вот я говорю, что...все хорошо относились...

— А потом, при поступлении в институт?

— Знаете, тоже нет.

— Но вы же заполняли анкету?

— Заполняла.

— Там спрашивали, кто мать, кто отец...

— Да. Да, да.

— И что вы писали?

— По-моему, когда я поступала в Ярославле в Педагогический институт, поскольку там мы жили в эвакуации, я могла не написать ничего. А потом я все честно писала и поэтому, слава Богу, при окончании физического факультета университета, а я кончила тоже хорошо, у меня пятерки, одна тройка по основам марксизма-ленинизма.

— А почему у вас была тройка?

— А потому что... потому что сказали, что я очень шаблонно рассказываю, все одно и то же (смех), надо расширенно было. Я помню что вроде все правильно говорила, но мне сказали, что очень неинтересно. Ответ был оказывается неинтересный. Так вот я потом писала как раз то, что был отец арестован, можно было написать, но он уже освобожден, это 49-й. Я как раз поступала тогда в Ленинградский университет. И когда вот уже кончала, его уже освободили. Поэтому анкета была лучше. Я когда поступала, он был осужден, а когда я кончала, он был уже освобожден. И все равно благодаря этому меня не взяли в Первое управление. А хотели меня направить в Первое управление ядерное.

— Что такое Первое управление?

— Первое управление это которое атомной и ядерной тематикой занималось. У нас многих... человек 5-6 отправили... Это нехорошая работа. Вредная...

— Это в каком году вы заканчивали?

— В 49-м. Поэтому я и осталась в Ленинграде, слава Богу.

— А скажите, вот папу отправили в лагерь, а когда вас выслали?

— А нас выслали, когда стали очищать Ленинград от неблагонадежных элементов. Это 42-й год. Значит, немцев... у которых было в анкетах написано, что они немцы, ну и семьи неблагонадежных... Ну кого еще, не знаю... Я знаю, что моя приятельница, моя школьная приятельница, ее выслали с матерью, потому что мать была немка.

— Это вас выселили в апреле 42-го? ну вы уже прожили в Ленинграде самые страшные дни...

— Да, так что я блокадница.

— А... как вы отнеслись к ссылке?

— Это ужасно. Я не знаю, нас... Может быть, благодаря тому, что мы уехали, мы наоборот живы остались, я не знаю, но все-таки 42-й год мы пережили, зиму 41-го - 42-го, а... Было очень трудно. Ужасные условия в эвакуации, ну это опять-таки много пишут... Теплушки, умирали с голоду тут же, и мама не могла вставать, она очень плохо себя чувствовала, еле выжила потом. Ну в общем...

— А куда вас отправили?

— А нас спрашивали, куда вы хотите? А у нас не было нигде родственников. Вот у нас интересно, такая семья, все родственники были в Ленинграде. Правда, у бабушки большая семья, они разъехались потом в разные места Советского Союза. Но разъехались они тоже

во время войны, во время эвакуации. Поэтому мы не знали, куда нам ехать. Ну и вот у нас был такой сосед, он сказал, поезжайте к моим сестрам, в в Ярославскую область
Вот мы тогда и сказали, что едем в Ярославскую область.

— Но вы ехали в ссылку, вы не считали это эвакуацией, да?

— Мы считали с братом, что мы едем в эвакуацию. Мама считала, что она едет в ссылку. И говорила, что это не совсем эвакуация. Но потом когда нас спрашивали, вы откуда — мы из Ленинграда, мы эвакуированы. И потом как-то так это и пошло, что мы эвакуированы. Хотя вот я говорю, статья 39 так маме не дала возможности прописаться в Ленинграде, хотя папа уже был заведующим кафедрой Гидрометинститута.

— Уже после освобождения?

— Да. А маму не прописывали. Потому что у него была 39-я статья. То есть она не имела права жить в больших городах. Знаете, что такое 39-я статья? Ну вот.

— И это так с 42-го года у нее до какого года было?

— До 48-го.

/перерыв в записи/

25.05.2004

Кассета №2, сторона А

- В школе я была пионерка активная, мама нам помогала – это все было. Вот, потом вы спросили как реагировали в семье, так вот, я говорю, что у нас как-то не упоминали Сталина, но когда папу арестовали, мама, все-таки, конечно, боролась. Она кому написала – Президенту Академии наук Вавилову, потом писала прокурору, а моя бабушка, Евгенова, у которой была другая немножко ориентация, она очень надеялась, что это все без ведома Сталина происходит, и она писала письма Сталину. То есть, видите, как по-разному. Ну, конечно, все это было... пустой номер.

- А ответов?...

- Нет, нет, никаких ответов, даже Вавилов ничего не ответил.

- А как вы это объясняете?

- Я думаю, потому что он ничего сделать не мог, если он не мог спасти брата, Николая Ивановича, -только взял своего племянника – он же взял его... и он у него учился, и жил с ним вместе... сын Николая Ивановича... поэтому я думаю, что он чувствовал, что он ничего сделать не может. Ну, а прокурору – это без ответа было, так, как и Сталину письма. Никаких ответов ни разу не было, по-моему. Во всяком случае, я не знаю, думаю, бабушка мне бы рассказала.

- Мы в прошлый раз не поговорили с вами про другую семью, про Евгеновых... расскажите про них.

- - Про них я знаю очень мало. Бабушка Усова она все время с нами жила, но она осталась одна с дочерью, с моей мамой и потом вот уже она все время с нами. А Евгеновы семья – отдельно. Бабушка *Вера Григорьевна и Иван Михайлович Евгеновы – это папины родители.*

- А где они жили?

- А Евгеновы жили все время в Петрограде, потом, значит, в Ленинграде, отдельно от нас. Это моя бабушка, у нее было вот трое детей, старший сын, приемный, умер от тифа, и две дочери, младше моего отца, которые жили с ней все время. Они были не замужем обе, одна была геолог, а другая филолог. Так что вот жили они на Петроградской стороне, а когда-то, когда дедушка был еще жив, а он очень рано умер, в 1904-м году...

- Так вы его и не знали?

- Я его не знала, я ни одного деда не знала. Вот, то перед этим они, значит, с ним ездили – сперва в Новгороде, где вот папа родился, потом в Нарве...

- А он кем был?

- А он преподаватель, классические языки преподавал. Он кончил Петербургский институт, тогда это тоже педагогический, не университет, а какой-то педагогический, и преподавал.

- Но он тоже из дворян, да?

- Также из дворян. Но тоже у нас, я говорю, такие не... служивые, я даже знаю немножко, откуда он – из крымских татар. Это вот Евгенов. Да, но это уже... он второго поколения, крымских татар, уже православный и... там, по-моему, вот и он, и моя бабушка – они были именно такие, православные, и без фанатизма, но старались поддерживать. Ребятам такое религиозное воспитание, потому что я знаю, что и тети мои... Но потом это как-то, когда я уже училась в школе, это как-то стиралось, не пропагандировалось, вы сами знаете, но я знаю, что это... что-то было. Потому что... даже интересно, – Иоанн Кронштадтский моему дедушке подарил свою фотографию, как другу. Так что у него были какие-то такие вот связи, что... Но он умер рано и я ничего не знаю.

- А вы ходили к бабушке в гости?

- Все время, да, все время мы в гости ходили, безусловно, а так как у нее внуки только и были – я и брат, то она нас, конечно, очень любила и всегда оставляла с ночевкой, чтобы мы у нее пожили, конечно...

- А вам нравилось там бывать?

- Конечно, для разнообразия. Там, потому что там было более шумное, семейство большое, у бабушки на именины Веры, всегда собиралось человек двадцать гостей, потому что у них-то была большая семья, Епифановых, значит, у них было... не напугать, по-моему, одиннадцать человек детей. Она была старшей.

- Бабушка была старшей и еще было десять?

- Да, еще было десять.

- А что это за семья была, бабушкина?

- Это была... бабушка была из мелкой купеческой семьи такой. Я даже... я даже плохо понимаю, это все-таки купеческая семья, потому что это не мещане, но он все-таки занимался какими-то торговыми делами, по-моему, так. Во всяком случае, я говорю, очень типичная такая вот фотография такого купца средней руки, конечно.

- А бабушка – получила образование?

- Бабушка гимназию кончила, да.

- Не работала?

- Нет, никогда не работала. Вот она вышла замуж, а так как там было много детей, то все-таки почти всем дали высшее образование, и вот младшая... бабушкина сестра – Людмила Григорьевна, была очень известным врачом, фтизиатром.

- А бабушка только гимназию закончила. Только гимназию. Я говорю – она не работала и только гимназию, а вот уже остальные, они все почти получили высшее образование.

- А вот скажите, когда вы с братом приходили к бабушке...

- Мы так называли – бабушка Евгенова, бабушка Усова.

- И вот что там было особенного такого для вас?

- Наверное, только... для школьницы было немножко другое общение. Если в квартире у бабушки Усовой ко мне приходили друзья из школы, какие-то кружки, мы были пионеры, мы гуляли целыми днями, то у бабушки Евгеновой было интересно рассматривать старые фотографии, с тетей Верой – младшая тетья, подсовывала мне какие-нибудь книжки и альбомы, она очень тоже хотела заниматься моим воспитанием, но не очень получалось – я предпочитала так, по верхам...

- А как она пыталась это делать?

- Она... вот она как раз мне давала, было, Библию для детей, например, ей хотелось, потом какие-то рассказы тоже религиозного содержания даже, по-моему, но от меня это отскакивало...

- Вас это не интересовало?

- Нет.

- А на праздники религиозные – приходили к ним?

- Обязательно. Но это был праздник, это, понимаете, это действительно, Пасха – так как бабушка праздновала, и Рождество бабушка праздновала, и всегда гости приходили, и родные приходили, ну как... а мы с братом крутились тут же рядом, это очень было приятно. Но это не затрагивало...

- А расскажите, как это было устроено, вот это празднование Пасхи, Рождества?

- Я думаю, так же, как во многих семьях – собирались все за столом, и бабушка, значит, приглашала и всегда что-то готовила, а так как она никогда не работала, то она всегда дом содержала очень хорошо. Как могла, как позволяли материальные условия. То есть это, видите ли, Пасха – так обязательно, конечно, и куличи, и сама пекла в дровяных таких ужасных плитах, вернее, не в плитах, а в плите – огромная плита была и мне было очень интересно – как в такой плите, дрова туда кладут, а куличи получаются высокие, и никогда я не ела таких вкусных куличей, как она делала, пирожков... Потом, правда, у нас дома этого...

- А мама не пекла куличи?

- Пекла, но это все было по сравнению с бабушкой как-то ну... это, наверное, так же, как я теперь пеку. А у бабушки всегда получалось все очень хорошо.

- И пасху она делала?

- И пасху она делала, всегда... вот, знаете, съемные – тогда были не одна, а несколько пасх, потому что народу было много, и поэтому это всегда было торжественно. Поэтому сказать, как это праздновалось – просто торжественно все собирались, все и был, действительно, праздник какой-то.

- А бабушка и тетя вот...

- И тетя, да, младшая, вот которая была тоже религиозная, причем, понимаете, как бабушка, так и она, они были как-то так вот, глубоко религиозными, но не заставляли никогда меня так насильно... тоже вот, мы сходили с ней пару раз там в церковь, ей хотелось обязательно, чтобы я все-таки сходила, ей казалось, что вот так... приятно. Но и мне было интересно, но она не заставляла никогда. И тетя, которая подсовывала эти книжки, которые для меня были какие-то не очень интересные, тоже ничего сделать даже не могла. А старшая тетя, геолог, она религией мало интересовалась.

- А бабушка и младшая тетя – они в церковь постоянно ходили?

- Они ходили, да. Ну, как вам сказать – поскольку они рядом с церковью жили, то это было нетрудно.

- Рядом с какой?

- Князь Владимир, на Петроградской стороне. Они жили на Зверинской улице.

- А как вот вам кажется, воспитание бабушки Евгеновой и тети – оно как-нибудь отразилось на вас и на брате особенным образом?

- Я думаю, что всякое общение в семье что-то откладывает. Вот я почти уверена, хотя, конечно, тогда это было для меня незаметно, я все-таки тянулась, конечно, к играм дворовым и к своим друзьям, и мне интересно было, скорее, с ними. Но ведь я же очень ценила, когда меня бабушка приглашала и оставляла еще ночевать. Так что, наверное, что-то закладывалось. Но понимаете, я вам об этом уже говорила, что это не проходит ничего бесследно, теперь, вспоминая на старости лет, я думаю, что..., думаю, она тоже удивительный был человек, эта вот младшая тетя.

- Младшая тетя, да?

- Тетя Вера.

- Расскажите про нее.

- Ну вот она кончила университет, и сразу поступили в аспирантуру. Причем, она занималась в академии арабским языком, а у академика Струве – египетским. Но выбрала она потом все-таки египтологию. И даже защитила диссертацию в 20-х годах, но потом, такой, знаете, аттестат у меня есть, с печатями, но почему-то признание недействительным, в 25-м году хотя она окончила. Ну или в начале 20-х годов, не буду выдумывать – не помню, по-моему, в 25-м. И потом, когда папу арестовали, видимо, что-то сказало, потому что она не смогла устроиться по специальности. И признали защиту, не то, что защиту, а она, вроде бы, защитилась, уже по опубликованным своим работам, без открытой защиты диссертация, только в начале войны. Когда было вообще какое-то послабление, вот война, она принесла с одной стороны горе такое, а вот для многих она была как какой-то немножко вроде как глоток свободы, потому что надо было действительно собирать все свои внутренние ресурсы. Активизировать. Ну вот тут ее тоже так привлекли, она была все время, оставалась в блокадном городе и собирала архивы востоковедов, которые умерли, получила даже грамоту от Академии наук. А сама она, вот я говорю, могла бы гораздо больше сделать, она ведь все-таки знала много... десять языков, читала, правда, не разговорный, никуда ее не пускали, в Египте она ни разу не была, и в Англии тоже, хотя она занималась британским папирусом. Это вот она мне тоже всегда говорила – ты посмотри, как интересно, посмотри, какие иероглифы – каждый иероглиф это картинка, они еще цветные были, иероглифы, вы знаете, удивительно красивые.

- А вам было интересно?

- Да, конечно. Вот это интересно.

- А брату?

- А брат у меня даже больше, чем я, пожалуй, всем интересовался, но он был маленький до войны. Я, конечно, гораздо это больше помню, потому что потом мы как-то вспоминали, он говорит – да, как-то больше с тобой занимались, интересней, наверное, было.

Она со мной занималась часто, дома. Занималась переводами, или адаптацией каким-то вот, своими этими папирусами, рукописями, конечно, мне было интересно, надо было сунуть нос, ну и она начинала мне рассказывать, показывать. Конечно, это ей хотелось, обязательно, как-то племяннице передать хоть что-то.

(перерыв в записи)

- Как арест отца отразился на в семье Евгеновых – бабушка Евгенова, как она?

- Так вот я и говорю, она начала писать Сталину сразу же. Она прямо Сталину решила, она решила, что так как среди папиных знакомых тоже еще арестованные, то, наверное, это какая-то ошибка получается, это, наверное, все Ежов. Вот почему-то у бабушки в голове отложилось так, что тут виновато, конечно, окружение. Что он до конца ничего не знает, надо ему писать. У меня даже сохранилось ее какое-то одно, я знаю, что она неоднократно пыталась, как ее сыночка, который столько лет отдал Родине и исследованиям Арктики, и у нее не укладывалось это в голове, и она, ну никак не могла понять... Мама поняла, что мы попали в такое колесо истории, а она уже старенькая была, для нее это было странно, конечно.

- Ну а как она относилась вообще к советской власти, к режиму?

- Ну, она считала, что это там какое-то вредительство там, как говорили – вредителей сажают, а ей казалось, что сами они вредители, те, которые сажают. Вот я говорила – это моя бабушка, вот, поэтому она писала прямо Сталину. Никому, ни прокурору, ничего, а прямо Сталину. Я говорю, вот очень смешно, что вот она так решила, что надо сразу...

- Ну а тети, они как?

- ... ни младшая, ни средняя, они как-то... не помню я, понимаете... Бабушка, конечно, была убита, они тоже, конечно, это все переживали, тем более, что я говорю, наверное, что вот на карьере младшей тети это могло сказаться, потому что ей трудно

было как-то устроиться работать. Ну а так вот что, мы думали, что там... что из-за этого, она думала. Но так больше как-то разговоров особенно не было, ничего не могу сказать...

- Расскажите, как мама ездила к папе в лагерь

- Ну вот я говорю, она один раз, перед самой войной, он написал письмо с оказией, и написал, как можно до него доехать. И она вот... мы ей все собирали, и, конечно, бабушка Евгенова тоже участвовала в этом. Нет, она очень любила своих внуков, и поэтому всегда беспокоилась и о маме моей, хотя не могу сказать, чтобы у них были очень теплые и близкие отношения.

- почему вы с мамой не поехали?

- Мы считали, что дорога трудная, мама сказала – нет, я не возьму тебя. Брат еще был мал, а меня сказала, что дорога трудная, и мне все-таки одной легче будет, а ты уж с бабушками останься. Было с кем...

- Было обидно?

- Я думаю, немножко было. Потому что я уже была большая, мне казалось, но мама мне объяснила все, я понимала ее.

- А потом как, как дальше? Папа писал письма всем или вам отдельно?

- Нам отдельно он писал письма, и маме своей, значит, тоже писал. Причем, сохранились, я говорю, есть письма, только посланные матери, потому что наши во время эвакуации все пропали. Которые он писал маме и нам.

- после ареста отца вы очень тяжело стали жить?

- Конечно, это сказалось заметным, наверное, потому что, мама, во-первых, сразу на работу пошла, и потом всегда очень благодарила друзей, которые не отвернулись. Потому что некоторые вдруг исчезли. Папины сослуживцы, и знакомые... А некоторые продолжали к нам приходить и даже помогать как-то... я хорошо знаю, вот это муж... жена вот этого капитана Сорокина, его жена...

- А капитан Сорокин – это кто?

- Это полярный капитан, капитан и «Красина», и «Ермака», под конец «Ермака», он известный капитан такой...

- И он все время приходил?

- Ну, не все время, а время от времени приходил и что-нибудь приносил нам в подарок. Ну, в основном, съедобное. Ну а мама когда устроилась, уже стало легче, на работу, ну хотя сразу же... вот я говорю, поскольку она хорошо печатала, а так как человек была грамотный, кончила гимназию, и считалась у нас в семье самой грамотной. Потому что папа даже всегда давал ей перепечатывать свои работы, он знал, что она напечатала все очень грамотно. Очень пригодились то, что она была такая машинистка хорошая, это в те времена это ценилось.

- скажите когда вы решили, чем вам заниматься дальше после школы?

- Это решила война, а не я. Я думала, что я буду заниматься языками, потому что я... ну, в детстве немножко немецким занималась, а потом английским. Вот я говорила – ходила на курсы, а потом, когда я бросила курсы, вот моя школьная приятельница даже приглашала учительницей нас с братом тоже, но... приглашала к себе, но... не приятельница моя школьная, а мать, конечно. Потому что в семье тоже были репрессированные, и она считала тоже, наверное, надо помогать друг другу. Но так как началась война, и так мы уехали, и я подумала преподавать русский язык или какой-нибудь иностранный – это трудно, то я пошла по линии математики-физики, и попала...

- куда вы поступили?

- Ну, в Ярославское сперва, в пединститут, поскольку мы эвакуировались в Ярославскую область, в село, тридцать километров от Ярославля, там жила в общежитии, сперва, правда, на квартире – не сразу устроили в общежитие, один курс кончила там. Ну и решила... тогда не было физического отделения, педагогического-математического, а физмат, физмат – вот как называлось, ну а потом перевелась – опять-таки, благодаря младшей тете, как только блокада была снята, в январе 44-го года, так она послала мне

вызов, так что я переехала уже в Ленинград, и, потеряв один год, поступила в Университет уже, в наш, Ленинградский. Кончила его в 49-м году.

- А брат – он выбрал свой путь или тоже случайно?

- Нет. Брат всегда интересовался больше, чем, наверное, я, природой, и ему хотелось на естественные какие-нибудь. И он кончил потом биологический факультет. И он все время с мамой был, поэтому они, когда поехали, папа нас вызвал, еще он был вольнонаемным, еще... знаете, при лагере, то мы туда поехали...

- А это когда было?

(перерыв в записи)

- В 43-м году мама с братом и со мной поехала к отцу, вот, на Мостозавод.

- Это куда?

- Это под Котласом, лагерь... по-прежнему это Севжелдорлаг, это все относился... к этому же, к этим же лагерям, которые железную дорогу новую потом...

- А вы откуда поехали?

- Из Ярославля. Из-под Ярославля, да. Мы же там жили.

- И вы там все оставили, и вы поехали к отцу?

- Да, да-да. Ну, так оставлять было нечего, уже после того, как все пропало, в Ленинграде... Но у нас не все пропало, и вот многие вещи сохранились, и папины письма и все – благодаря бабушке Евгеновой, которая прожила всю блокаду с тетушками в Ленинграде. Поэтому у меня есть письма папы к ней, какие-то вот материалы, вот, которые характеризуют папины работы в Арктике, какие-то документы – все-таки она много сохранила. Ну как сохранила? Она никуда не уезжала, и тети никуда не уезжали, но вот младшая тетя рано умерла, в 53-м году и бабушка умерла. Осталась одна старшая тетя. Но мы тогда уже жили тоже в Ленинграде, брат еще учился, кончал университет...

- Давайте вернемся к началу войны. Вы перед началом войны уже школу закончили?

- Нет, нет, еще не кончила.

- А вы в каком классе учились?

- Я училась в девятом. Значит, мне еще надо было десятый класс кончать, и началась война... ну, началась летом, так что кончила девять классов. И поэтому когда мы поехали в эвакуацию, то я уже кончала десятый класс там... в Ярославской области.

- И вы не потеряли год?

- Тогда я не потеряла. Я потеряла год потом.

- А когда вы выехали из Ленинграда?

- В апреле 42-го года.

- То есть вы перезимовали вот эту самую страшную зиму?

- Да, да. Почему-то, я говорю, что, не знаю – никого не трогали. А вот весной начали очищать город от...

Помню, что моя школьная самая хорошая приятельница пришла тоже с такими большими глазами – говорит: мы уезжаем. Я говорю – куда уезжаете? Нас в Среднюю Азию отправляют. Я говорю – а нас тоже, вроде, отправляют. Там три дня давали только на сборы.

- А вот расскажите про вот эту блокадную зиму – как вы учились...

- Нет, учились мы только до ноября месяца, вот, все-таки сентябрь-октябрь мы учились.

- А потом что?

- А потом школу закрыли. Потому заболели и учителя, и больше я не ходила в школу.

- И вы жили вместе – мама, бабушка, брат и вы?

- Да, да.

- А как вы... мама же только работала?

- Мама работала... ну, как-то... Ирина Анатольевна, как-то жили.

- Вы не начали работать?

- Нет. Она работала все время, пока могла, вот ходила в свой этот Народный суд, и он функционировал, а потом я даже не помню, какие-то справки есть у меня... когда она перестала работать – не помню. Я знаю, что пока я училась в школе и она работала, во время войны, это война была, и уже шла, и она ходила на работу... Я знаю, что мои тетушки всю блокаду работали. А вот мама – я не помню, как, что-то забыла. Пока, наверное, работал ее Нарсуд, она и ходила, наверное, туда на работу. А тетушки ходили все время, пешком ходила – одна во ВСЕГЕИ, старшая тетя, младшая ходила в свой институт Востоковедения, а потом в библиотеку в Академии наук, она там работала.

Самое ужасное что, надо сказать, была дорога в Ярославль. Это самое ужасное.

- Это ужаснее, чем голод?

- Ужаснее. Голод мы переживали как-то все вместе, рядом были друзья и семья второй бабушки, которая... был младший дедушка, который помогал нам, вот он помогал.

- Это кто?

- А это бабушкин младший брат. Вернее, даже не младший...

- Бабушки Евгеновой?

- Да-да-да. Я говорю – там было много детей, так он там... их было пять человек, от первого брака, и вот младший, Григорий Григорьевич Епифанов, заслуженный врач России.

- Он тоже был в блокаду?

- Он всю блокаду тоже пережил, и нам помогал. Вот, я подумала, спрашивал, кто вам еще помогал, потому что тетушки тоже как-то старались, но это больше так вот, а он помогал. И, главное, помог нам в голод, он нам кота своего отдал. У них был большой кот, мы его съели в самый тяжелый момент – конец 41-го года. Очень помог нам.

- А как вы его съели?

- Ну как съели, как съели...

- Сварили?

- Наверное, сварили, наверное, да. Я знаю, что за котом ходила я пешком. От Петроградской стороны на Лиговский проспект, где жил дедушка, и этого кота я принесла. А дальше уже мама устраивала – мы не могли его убить. Понимаете, нам надо было мясо, но мы не могли его... а у нас в полуподвальных помещениях жили тоже люди, с которыми хорошие отношения были, ну и тогда вот моя приятельница, с которой вот я детство провела, вот я вам говорила, у нее отец был рабочим, и депутатом Ленгорсовета, так вот он очень откликнулся, когда папу арестовали, сразу же пришел к нам, написал письмо тоже куда-то, что он ручается за Евгенова, потому что его дети наполовину жили в семье Евгеновых, и что как можно такого кристально-чистого человека посадить. Он еще не очень грамотно писал, у меня на память осталось вот письмо, ну, тоже послали, я не знаю, вот я не обратила внимания, когда мы смотрели дело – наверное, там тоже... в прокуратуру куда-то отправил. Вот, так что я просто говорю, что вот... может быть, мама к ним обратилась, я не знаю, кто убил кота. Я знаю, что мама сказала, что это очень помогло нам.

- Ну а потом, потом, вот сам этот неприятный момент, знаете, Ирина Анатольевна, потом все хотелось есть, всегда есть хотелось, и уже не обращала внимания, ни живого... Очень помогли нам, например, папины ремни, которые он привозил из своих полярных поездок, они были сыромятные такие. Мы все время варили, вроде суп, студень из этих ремней, то есть что-то такое, какая-то была...

- А много ремней было?

- Ну, все-таки, поскольку он всегда уезжал в экспедиции и много было снаряжения, а потом он возвращался из экспедиции, то вот... во всяком случае, какое-то время... не один ремень, во всяком случае... Ну а так как всякие вещи, которые вот он увозил и ремень не выкидывал, то я помню, что вот у нас где-то в шкафу лежали, потом мама их сразу все вытащила. Ну, конечно, много – не много, это все относительно.

- Может быть, вы еще что-то продавали из вещей?

- Продавали. Не так продавали, как меняли. Помню. Ну, во-первых, у бабушки еще оставались очень хорошие платки. А зима была очень холодная, мы надевали на себя всегда, не знаю, все-все теплое, а хорошие платки было жалко. Шерстяные такие, пуховых платков почему-то у бабушки не было. Были вот такие белые, очень хорошие шерстяные платки, еще остались у нее, наверное, от былых времен. И вот я помню, что я тоже ходила – меня отправляли, потому что я лучше других чувствовала себя. Мама что-то стала очень сдавать, она все брату подсовывала, бабушка вообще... Когда в 42-м году мы уехали, она умерла вскоре от голода.

А я ходила, даже, помню, один раз буханку хлеба, потом какой-то мешок крупы... да, меняли, но не продавали, а меняли. Может, мама что-то и продавала, но я не знаю. Во всяком случае, бабушкины ценные вещи, которые остались, ну, знаете, как всегда – какие-то кольца, все это мама отнесла к бабушке Евгеновой, сказала, что если вот сейчас они не так котируются, как котируются теплые вещи, вот я говорю – вот эти платки, потом, папины... знаете, ему выдавали или покупали шерстяное белье английское, знаете, такое плотное, шерстяное белье. Вот до сих пор помню, у нас остались старые, а новые мы все обменяли. А старые у нас до сих пор на даче есть. Ну, такие уже... совсем ветхие...

- когда вас стали высылать, бабушку не тронули?

- Бабушку не тронули – она не могла уже двигаться. Я думаю, что ее... ее поэтому не тронули. Во всяком случае вот... маму и меня, в общем, выслали. Брат был маленький – поехал с мамой, а бабушку не тронули. И ту семью [Евгеновых] тоже не трогали.

- Когда вы узнали, что бабушка умерла? Кто-нибудь написал?

- Да, да. Мы все время переписывались. Правда, письма очень долго шли. Она умерла не совсем сразу... мы уехали в апреле, а она в начале июня умерла. Так что она еще несколько писем написала, у меня до сих пор хранится, письма ее.

- Но вы говорите, что она не могла уже ходить?

- С трудом.

- А кто ей помогал?

- Вот я говорю – Саша такая, которая из раскулаченной семьи приехала к нам в город. Вот она и соседка Вера Владимировна Ушакова, которой мы дали комнату тоже, чтобы ей не было бы так скучно, поскольку ее квартира была брошена, холодная, и она жила у нас.

- Но вы говорите, что самое страшное – это была дорога в Ярославль?

- Да. Да, да.

- А что было такого страшного?

- Ну, самое страшное было, что сил не было нести вещи. Хотелось все-таки что-то взять с собой. А ведь можно было взять только то, что несешь. Мама очень неважно себя чувствовала. Брат тоже неважно себя чувствовал. Получается, что мне самой надо было тащить. И мы вот так вот несем вещи, поставим, потом, значит, и обратно я возвращаюсь, и тащу какой-то мешок – брата или мамы. Так несколько таких ходок сделаешь, потом, ужасная дорога была – в теплушках, ведь люди же умирали прямо в теплушках. А мама не могла, сил не было спуститься вниз, стояли, что-то такое... ой, ужасно! Ничего не кормили...

- И долго вы ехали?

- Мы ехали, по-моему, недели две до Ярославля.

- И не кормили по дороге?

- Да вот я не помню, потому что все время есть хотелось. Знаете, Ирина Анатольевна, не помню. Потом нас очень хорошо накормили, когда мы переехали Ладожское озеро, нас накормили. Потом мы сидели в теплушке, и вот в теплушках – не помню, чтобы кормили. Что-то есть всегда хотелось. Вот совсем выскочило из головы.

- А потом, когда вы в Ярославль прибыли, что было дальше?

- Ну вот а когда мы прибыли в Ярославль, мы были, значит, эвакуированные, нас сразу же поставили на учет. И поэтому давали какое-то количество хлеба, я хорошо помню, а... была столовая, в этой столовой можно было жиденький суп поесть. Мы поселились у очень милой женщины, у которой была свободная комната, она... мы приехали, еще было прохладно, хотя уже было лето. Это был, значит, май месяц, наверное, начало мая. Она нас тоже подкармливала немножко – то картошки даст... А потом уже мы ходили, брат начал ловить рыбу, так что вот карасей каких-то, лещей... А мама попала сразу в больницу с воспалением легких, дистрофией, так что мы даже вдвоем с братом какое-то время жили. А потом... мы вот у женщины, а поехали мы туда и нас хорошо встретили, знакомые... вернее, родные нашего соседа по Ленинграду.

- А вы сами выбрали Ярославль?

- Сами, да. Нам сказали так – эшелон идет на юг. Вот как – не совсем сами. Нас отправили в эшелоне... можно было выбрать эшелон какой-то, и мы выбрали тот, который идет на юг. И хорошо, что мы не уехали на юг, потому что немцы потом заняли там юг, а мы остановились в Ярославле, и вот к знакомым, я вот говорю, к родным, попали к знакомым. Они нас..

- Значит, мама не работала...

- Мама болела, ее кормили там, в больнице. Она хорошо питалась...я стала почти сразу работать. Все-таки у меня были силенки, и я пошла в колхоз. И начиная с мая месяца я работала в колхозе. Так это очень даже было кстати.

- А брат рыбу ловил?

- А брат рыбу... Потом началось лето, да, начались грибы, ягоды, Ярославская область вообще очень богатая грибами, ягодами, леса такие хорошие, и мне было... Я не могла так часто, как он, а он нашел там себе приятеля, потом в школу поступил, в 43-м году, я вот в институт педагогический, а он в школу, у него были уже знакомые в округе, так что он... Дрова заготавливал брат, надо было все-таки подтапливать, жили мы... Потом к ней приехали родственники летом, вот которая женщина такая милая нас, и мы переехали обратно, к нашим знакомым, в ту комнату, которая была... ну, электричества не было, и даже не было керосина, и мы жгли лучинки. Но печку вот мы топили, потому что и плиту, не плиту, а в печке готовили, в печке даже, и я хорошо помню, что брат заготавливал дрова. Он потом всю жизнь очень любил дрова.

Мама попала в больницу, познакомилась там с больничным персоналом, и устроилась счетоводом в эту больницу. Ее сразу же взяли. И вот до отъезда к отцу в конце 43-го года, она... или весной 44-го, сейчас не могу сообразить, нет, наверное, все-таки в 43-м. Значит, я училась, да, в 43-м.

- И вы поехали к отцу?

- Да, мама с братом поехали.

А я училась в Ярославле до ранней весны 44-го года.

- А весной 44-го года что случилось?

- Вот мне вызов прислали из Ленинграда, тетя прислала, и я вернулась в Ленинград к бабушке. Тут уже больше ничего не было, у бабушки Евгеновой жила...

- А та квартира пропала?

- А у нас был деревянный дом, его разломали на дрова, так что...

- Дом полностью пропал?

- Полностью. Уже дома не было, вещи тоже все растащили, конечно, все. Так что мы могли вот взять с собой, и потом, когда бабушка [Усова] плохо себя чувствовала, лежала, за ней ухаживали, все-таки тети мои какие-то ценные вещи перенесли к себе. Ну тоже – сколько они сами, они неважно себя чувствовали, хорошо, мы жили на Петроградской – они и мы, так что вот что-то они спасли.

- А мама с братом поехали к отцу? И как они там устроились?

- Там они устроились? Так вот они поехали тогда, когда папу уже освободили. Но он был вольнонаемный, и ему дали в бараке комнату. Ну и они, по маминым словам,

очень хорошо устроились – наконец они все вместе были в своем доме и в своей комнате. И папа радовался, и мама, и брат, так что это было очень радостное свидание, когда он нас встретил и привез в свою комнату.

- А сколько они пробыли там?

- Они уехали в Архангельск в конце 44-го, потому что война закончилась в 45-м, они уже жили в Архангельске.

- А там, при лагере, мама работала, брат еще учился...

- Мама не работала. А брат учился. Он учился в какой-то школе там, при лагере, там тоже школа была. Что я там знаю, что папа говорил, что очень хороший контингент, и преподавателей, и знакомых его. Когда я приехала к ним из Ярославля, уже на каникулы, меня повели, я помню, на осмотр к какому-то очень известному хирургу-ларингологу. У меня заболело горло, он [папа] говорил, что как хорошо, что я могу тебя устроить на такую консультацию. Потому что в Ярославле нельзя было, вот, и брат, и папа, у них очень хорошие были отношения со всеми, с кем он работал. Он продолжал работать на метеостанции, а потом уже вот, в конце 44-го стало, станция закрылась эта, и он даже думал, что его могут перевести еще в какой-нибудь гидростройку, но, слава Богу, его отпустили. И они поехали в Архангельск.

- А почему в Архангельск, а не в Ленинград?

- А куда-то надо было устраиваться. Папа же все-таки еще был не реабилитирован, у мамы была вот эта 39-я статья, поэтому только благодаря тому, что его очень многие знали, за него хлопотали, и главное, все-таки, вот, я говорю, все его друзья его не оставляли в беде, все время. И благодаря им он в Архангельск, и благодаря им вернулся в Ленинград...

- А в Архангельск, он там тоже – ему друзья помогли устроиться?

- Да, да, да.

- А кто?

- Ну... многие. Понимаете, многие. Во всяком случае, больше всего энергии приложил такой Всеволод Всеволодович Тимонов, который лично...

- Тимонов?

- Тимонов, да, вот Всеволод Всеволодович, который лично передал папино прошение, чтобы его перевели в Архангельск, и в гидрометеослужбу к папанинцу Федорову. Вот, он очень порядочный человек, Федоров, по сравнению...

- По сравнению с кем?

- Ну, по сравнению с Ершовым, который не хотел помочь узникам... То есть они обратились к нему, они же вместе, в экспедиции на «Челюскине», все это... без ответа все. А папа написал письма, и почти все ответили. С просьбой, что рекомендуют его в Архангельскую морскую обсерваторию, там, ценный он, конечно, работник, с большим опытом, нельзя терять такого и, знаете, вот откликнулись сразу же, и как в Ленинград когда он перевелся, все-таки он тоже еще не был реабилитирован.

- в Архангельске – мама работала?

- Работала, сразу. мама кончила курсы, еще до войны, какие же – при Воейковской обсерватории, и, наверное, где-то это все у меня записано, Ирина Анатольевна, из головы вылетает, тоже связанное с гидрометеорологией. Такие курсы, у нее аттестат есть такой, или справка такая – но с печатями все это, и она поэтому могла сразу устроиться в обсерваторию. А так как она человек была грамотный, то она сразу там пришлась ко двору и стала работать там даже потом и.о. инженера. Так что она сразу пошла работать, как только они приехали туда, брат кончал школу там, значит, попал он в восьмой класс туда, девятый и десятый кончил там.

- И когда они вернулись в Ленинград?

- А в Ленинград вернулись они по очереди. Сперва вернулся папа. Значит, сейчас... когда... в 47-м году он вернулся, а мама в 48-м, потому что брат кончил десятилетку там, и когда он кончил десятилетку, они приехали уже к отцу сюда. Помните, я вам

рассказывала, ее еще не хотели прописывать? Папу прописали, а ей сказали – как же, когда у нее ограничение паспортное. Так что это все пришлось (поправлять [так?])

- Значит, а вы жили у бабушки Евгеновой, у тети?

- Да, да. У тети жила, пока (они там [так?]). А когда они вернулись сюда все уже, то и я сюда приехала.

- Куда? Так дома же не было? А откуда взялась комната?

- А папа, когда его пригласили в гидрометеоинститут, то ему дали комнату в коммунальной квартире. Так что у нас была одна комната на всех, но большая – 25 метров, это вот когда... Сперва папа даже какое-то время жил у бабушки тоже. А потом когда его утвердили, профессором гидрометеоинститута, то ему дали сразу и комнату.

- А мама снова устроилась на работу?

- Нет, мама больше не пошла. Папа уже устроился на работу, и мама осталась дома.

- А когда папу реабилитировали?

- В 56-м году.

- Тогда расскажите про смерть Сталина. Вы тогда уже закончили институт?

- Да, закончила. Я хорошо помню этот день. Я помню, как у нас на работе – я уже работала... Я работала в научно-исследовательском институте телефонной связи. Правда, закрытое такое учреждение было, потом я перешла в открытое, а это был почтовый ящик. Ну вот, и хорошо помню, что вот... Понимаете, все ждали, что вот он заболел, все ждали, было такое напряжение, и когда, значит, выяснилось, что вот он умер, все, значит... Знаете, общее впечатление окружающих, что они были убиты. Что будет теперь? Что мы чуть не пропадем. Но это... это такое вот общее, я бы сказала, общая реакция и, видимо, напряжение какое-то, которое вот чувствовалось, что неизвестно, что дальше будет. Это на работе у меня.

- А вы как к этому относились?

- А дома, дома-то, дома-то ничего.

- А как вы на работе к этому относились?

- Мне было не смешно, мне, скорее, было неприятна вся эта история. Потому что от нас... от нашего института, я знаю, несколько человек поехали в Москву на похороны. И, конечно, это было странно. Потому что мы это уже так себе представляли все ситуацию, но... но общий, действительно, такой вот был настрой.

- А дома как?

- А дома, дома как-то прошло это незаметно.

- Нет, но все равно, как-то комментировали это событие?

- Да, да. Я думаю, что, во всяком случае, я знаю, что у меня отец всегда любил слушать последние известия. Вот которые передавали в 12, там, гимн Советского Союза, потому что он всегда думал, что что-нибудь еще скажут, так что в этом отношении... и в Архангельске, и когда приехал в Ленинград – он всегда был настроен, что надо обязательно все-таки знать последние известия. Поэтому я думаю, что всем было нам интересно, что что же теперь будет. Потому что кончилась эпоха какая-то. И как эта эпоха дальше пойдет. Как, что будет дальше, я думаю, все мы гадали и не представляли – будут ли какие-то временные у нас руководители или найдется какой-то постоянный, твердой рукой – ничего не знали.

- Но у вас было ощущение нового времени, да?

- Да, да.

- Но вы его как бы ожидали, что это будет время лучше, или у вас был страх, что как бы оно не оказалось хуже?

- И то, и другое, я думаю. Нет, именно было ожидание – что же теперь будет?

- А скажите, когда, как вы узнали о докладе Хрущева на 20-м съезде? Это было событие?

- Это было событие, но это было уже событие, когда я была замужем, и поэтому это муж мне рассказал, и поэтому уже это... дети были, и поэтому уже, понимаете, это уже... с папой мы уже меньше общались.

- на вас и мужа – какое это произвело впечатление?

- Во всяком случае, муж вырвал листочек из календаря, и сунул себе под стекло на письменном столе. Хрущева. Так он у него все время так и лежал. Долго-долго.

- А какой...

- Хрущева. Ну, когда, знаете, календарь отрывной – вот он вырвал с портретом Хрущева листочек календаря, и положил под стекло на письменный стол, и все время любовался, наверное.

- Да, конечно, было облегчение какое-то. И, главное, понимаете, что все-таки человек всегда думает, что дальше будет больше справедливости, и тут тоже ощущение, что вот, все-таки люди будут возвращаться, будут пересматриваться дела, какое-то должно быть все-таки, конечно, какое-то изменение в лучшую сторону, безусловно. Безусловно. Большие надежды возлагались.

- А когда вы поняли, что они не состоялись?

- Ну, это, наверное... не помню, когда. Во всяком случае, все-таки что-то состоялось, Ирина Анатольевна. Все-таки что-то состоялось. Поэтому, хотя было разочарование, что не так, как мы думали, но все-таки что-то было и, наверное, так... Разочарование разочарованием, но заметное изменение к лучшему было.

- папа вам рассказывал про тюрьму, про лагерь?

- Да нет, немного. Не любил. Не любил рассказывать, папа. Не любил. Может, он маме побольше рассказывал, но только мама тоже ничего особенного...

- А это у него такой характер был, он и об экспедициях не любил рассказывать?

- Об экспедициях он маме рассказывал.

- А вам?

- А мне – нет. Потому что я, наверное, не очень интересовалась. А мама интересовалась, мама его работы печатала, которые он сразу же писал – куда-нибудь съездит, ему сразу же хочется написать, чтобы это осталось в истории, мама перепечатает, они вместе обсуждают, подшивки делают, я хорошо помню, как они вместе работали. Нет, с мамой, мама...

- Так может быть и про лагерь он вам поэтому не рассказывал?

- Я думаю, что про лагерь он не любил, это мама мне говорила даже как-то уже потом, когда папа умер, что... вот, он же хотел написать воспоминания о своей жизни, и вот в воспоминаниях он писал только о своих... юношеских годах даже. Потому что он хорошо помнил, как он учился, как вот первое его плавание, вот все это. А потом уже мама знала по его рассказам, по его дневникам [экспедиционным, полевым], письма сохранились какие-то тоже...

- А письма, письма, между прочим, тоже так получилось, что письма наши-то тоже пропали, я вам говорю, но мама их читала и помнила, наверное, я а вот, видите, плохо помню.

- А расскажите, как мама эти воспоминания свои писала?

- Много писала. Раз напишет, или сделает что-то, посмотрит дневники, дневники теперь вот эти находятся в архиве Географического общества, последние, а первые, Карские, находятся в архиве музея Арктики и Антарктики. Так что она вот когда написала свои воспоминания, их все время перечитывала...

Много лет писала, после смерти папы, вот папа умер в 64-м году, ну, я не помню, как – сразу или нет она начала, потому что все-таки она занималась еще хозяйством, и внуками, немножко помогала мне...

- А вы в каком году замуж вышли?

- Я в 53-м.

- А кто ваш муж?

- А он физик тоже, мы познакомились на работе. И почему, наверное, он Хрущева держал у себя под стеклом, потому что его отец был репрессирован, и, значит, жена, мать моего мужа получила письмо, что он там умер в таком-то году, а потом выяснилось, что он там расстрелян был, хотя он был музыкант, музыкант, играл в оркестре в Армавире.

- А как вашего мужа звали? (перерыв в записи)

- Аркадий Алексеевич Шварц.

- И скажите, а вы с мужем обсуждали – вот ваш отец был арестован, его отец был арестован – вы как-нибудь это обсуждали, почему?

- Вы знаете, мы принимали это как факты, которые очень печальны для его семьи, как и для моей семьи, но сказать, чтобы мы так это на эту тему много говорили – нет. Знаете, жизнь идет, это всегда остается что-то с нами, это же, в общем-то, конечно, тяжелый период и для его семьи, и для моей был какой-то, особенно для него, потому что, действительно, ну, какое отношение, казалось бы, имеет артист филармонии к политике? Но потом он говорил – я думаю, моего отца потому взяли, что он работал в профсоюзе музыкантов.

- А когда у вас дети родились? В каком году?

- В январе 56-го и в 59-м.

- Ирина Николаевна, а вот скажите, сталкивались вы в институте или потом на работе с доносами?

- Нет. Был такой чудесный факт, или не факт, я даже не знаю, как сказать, это когда мы учились в Университете. Когда учишься в Университете, попала в Ленинград, хочется объять необъятное. И туда сходить, и мы устроили вроде такой университет на дому, где каждый должен был делать какие-то доклады, которые ему казались интересными, чтобы приобщить своих друзей. Ну а группа такая, человек, наверное, максимум десять собиралось, а то и меньше. Ну вот, а потом мы вдруг узнали...

- А где вы собирались?

- Ну... у сокурсника, сперва у одного, потом у моей другой сокурсницы, одного уже нет – умер, с а другой я все время дружу. Она даже написала воспоминания об этих собраниях, и назвала их «Неформалы 50-х годов», 40-х, вернее.

- А как ее зовут, вот эту сокурсницу, которая воспоминания написала?

- Леонарда Александровна Преснова.

- Вы бы показали-то воспоминания-то ее... Интересно.

- Интересно?

- Конечно! Принесите, пожалуйста.

- Ну, в общем, Ирина Анатольевна, все после лета.

- Хорошо. Ну так и что?...

- Так вот, я хочу сказать, что потом нам одна из наших же сокурсниц сказала – вы смотрите, я знаю, что... ну, такой музыкант, к тому же, по-моему, его фамилия была Комаров, он, по-моему, пианист, даже потом выступал, он был знакомый вот одного из моих сокурсников. Что он, знаете, подослан. И потом вот эта Маня Шоломенок, она у нас была тоже профсоюзный деятель нашего курса, вот которая нам сказала, она говорит – я точно знаю, и мы не стали больше собираться. Я принесу вам, там подробно написано, как.

- А почему вы не стали собираться?

- Мы испугались.

- А почему бы вы просто его бы не звали и собирались бы дальше...

- А нам казалось, что это нехорошо, лучше, мы всех зовем с открытой душой и вдруг где-то будем от него прятаться. А он... он хотел приходить, он каждый раз был. Причем доклады делали разные, вот, например, я... очень интересный такой доклад был, у папы сохранились альбомы Англии, путешествия. И вот я, значит, эти альбомы, рассказывала, значит, о Лондоне, об окрестностях каких-то приносила, кто-то делал доклад, вот как раз этот музыкант, я не помню – о композиторе или артисте, нет, о

композиторе каком-то, кто-то делал доклад по астрофизике, потому что нас очень интересовало происхождение Вселенной, кто делал... Вот такие разные, на литературную тему, помню, было о Блоке... Так что было очень интересно, ну вот я вам принесу почитать, она хорошо написала об этом.

- Да, принесите обязательно. А скажите, а вот вы или кто-нибудь из ваших друзей не сталкивались с тем, что вот вас пытались вербовать?

- Нет. Я ничего этого не знаю, нет, не знаю. Я вам говорила, что папина анкета мне помогла? Меня хотели отправить в первое управление по атомной энергии, уже была я в списке там, поскольку я хорошо училась, а там нужны были хорошие физики. А потом увидели, что папа был арестован, я писала это все в анкете... Потом освобожден – я же училась уже, он же уже был освобожден.

- И вы все равно писали – арестован, освобожден?

- Да, да-да.

- Хотя вы уже могли это не писать?

- Могла не писать, нет-нет. А папа говорил, что они все равно все знают. Они действительно все знают. Когда я стала смотреть дело. Только очень интересно, что они все знали, но очень странно вели себя. Потому что они могли как-то... мы все думали, что, может, папу арестовали, потому что он у белых, или, может, еще что-то, потом выяснилось, что они все были, оказывается, шпионы. А потом, когда шпиономания не получилась, так они все были антисоветской организацией.

- А скажите, а как папа вообще отнесся... относился к тому, что его – ну, такой вот очень нужный полярный исследователь, и вдруг оказался арестованным, изъят из науки, из деятельности...

- Ничего хорошего, он тут... Я помню, это он говорил, что он думал, что вот, говорит, что мы вредители, а на самом деле там, наверху, вредители какие-то, которые не думают о пользе Родине. Он все время... и потом, он какое-то время, конечно, когда он работал, казалось, что вот ценят его работу, он действительно приносит пользу и вдруг... конечно... Ну, вот и, вот я и говорю, он очень хорошо, когда он с нами прощался, сказал, что это безумие не может долго продолжаться. Потому что так...

- А потом – как он реабилитацию получил?

- Он все писал. Вот он писал оттуда прокурору, потом когда, значит, ему разрешили перебраться в Архангельск, он писал опять куда-то, потом, когда он в Ленинград попал, опять – он же не реабилитирован, он опять писал куда-то. И вот интересно, он писал-писал, а другие, по-моему, не очень писали. Он очень любил досконально все разъяснить, почему, да как это могло такое случиться. И всех реабилитировали, у всех дело вот это – пять человек, всех вместе в 56-м году. Его вызвали сперва в отдел милиции или куда-то, нет, это не НКВД, это было районного масштаба, а не городского, по-моему, по-моему, это было даже районного, вот я забыла. Где-то, может, у меня это записано, я не помню. И он тогда очень радовался, пришел – вот наконец-то, дождался, надо срочно писать Петрову в Кустанай, дочке Орловского в Москву...

- А из лагеря только ваш отец вернулся?

- Нет, из лагеря вернулся и Орловский тоже. Но он больной вернулся, и в 48-м году, не дождавшись реабилитации, умер.

- Всего их сколько было?

- Пять человек, но вернулись из них только двое. Хмызников умер ужасно, он умер в лагере. А Гернет и Петров – они остались в ссылке. Они умерли как бы в ссылке, они же были не в лагерях, посланы – Хмызников, Орловский, Евгенов – в лагеря. А те были в ссылке. Они умерли в ссылке. Ну, Петрову папа писал письма, он говорил, что теперь можно, можешь вернуться в Ленинград, а он говорит – ну куда уж я больной, плохо вижу, я уж здесь, говорит, и буду дальше работать...

(конец записи)